

УДК 128

ФИЛОСОФИЯ ЛЬВА ШЕСТОВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.4.176

Автор статьи утверждает, что есть две причины, по которым можно считать, что философия Льва Шестова актуальна в контексте современного интеллектуального дискурса. Первая причина – это созвучность иррационализма философии Шестова постмодернизму. Вторая причина – это выдвигание Шестовым убедительной альтернативы бегству от страха смерти.

Ключевые слова: Бог, жизнь, постмодернизм, разум, смерть, страх смерти, человек, экзистенциализм.

Специфика современного интеллектуального дискурса predetermined, как видится, популярностью постмодернистских идей и актуальностью проблемы отношения к смерти. Бунт философов-постмодернистов против любых догм и стереотипов, скепсис приверженцев постмодернизма по отношению ко всем авторитетам и идеологиям, постмодернистский нигилизм и релятивизм по отношению к любым ценностям – все это не могло не остаться без видимых последствий для философской мысли конца XX – начала XXI вв. Пандемия коронавирусной инфекции вызвала во всем мире рост депрессивных и панических настроений, актуализировав вечную проблему человека – формулирование отношения к смерти.

На вопрос «Как и зачем человеку жить дальше?» пытались и пытаются ответить приверженцы разных философских концепций. Если обращаться к представителям русской философской традиции, то они, отвечая на данный вопрос, разделяются на три основные группы. Представители первых ратуют либо за принятие православной этики (таковы, например, сторонники философии всеединства), либо за ее отторжение (в частности, позиция марксистов). Для третьей группы характерен религиозный, но не ортодоксальный взгляд на эту проблему. Это, например, экзистенциализм Льва Шестова, который, как ни странно на первый взгляд, напоминает ряд положений постмодернизма.

Сторонник постмодернизма не склонен слепо признавать авторитет метарассказов, т. е. всех догм, идеологий и теорий, претендующих на универсальную значимость [1, с. 10–11]. Он понимает, что очень многое в окружающей его культуре наполнено симулякрами – подделками под действительность, подменяющими собой саму действитель-

ность [2, с. 22]. Он видит, что в мире царят не порядок или хаос, а их синтез – хаосмос, т. к. в жизненных обстоятельствах хотя и нет никакой предсказуемости, но в каждой спонтанности присутствуют некие закономерности [3, с. 7–8]. Ему свойственна опустошенность бунтаря и скептика, освободившего себя после оргии нигилизма от власти традиций и ценностей, но не понимающего, как и зачем ему жить дальше [1, с. 8].

Например, постмодернист Жан Франсуа Лиотар ценит лишь то знание, которое «усиливает нашу способность выносить взаимнесоразмерность» [5, с. 12], а экзистенциалист Шестов борется против попыток рационально, то есть посредством метарассказов, объяснить соотношение человека и Бога. В частности, он утверждает, что «нет возможности примирить явления внутреннего мира с явлениями внешнего» и что попытки философов преодолеть их взаимосоразмерность приводят к неприемлемому искажению действительности [12, с. 7]. В частности, к обоснованию тезиса о том, что Бог умер, тезиса, принятие которого, по Шестову, дает право науке отменить нравственность и обесценить жизнь человека [19, с. 8–12]. На протяжении всего периода своего философского творчества Шестов неустанно борется с попытками ученых и философов подчинить все умы какой-либо универсальной объяснительной системе и тем самым удалить из жизни чудо и свободу. И в этом экзистенциализм Шестова близок концепту «недоверия к метарассказам».

Мыслитель протестует и против склонности философов «в случае нужды принять на веру какую-нибудь тонкую нелепость, лишь бы не считаться со сложностью» [19, с. 17–18], т. е. верить симулякрам, привлекательным подделкам под реальность, а не подлинным фактам. Этот российский философ с юношеской работы «Шеспир и его критик Брандес» и до своих последних работ (например, «Афины и Иерусалим») неустанно разоблачает ложь мудрецов и проповедников, которые пытаются убедить человечество в том, что многообразие и изменчивость жизни подвластны какой-либо «несотворенной истине». В частности, по Шестову, Фридрих Ницше предает самого себя, отказавшись от философских исканий во имя проповеди учения о сверхчеловеке, а Лев Толстой лицемерит, утверждая, что добро – это Бог [14, с. 303–306]. И эта его позиция перекликается с мировоззрением популярного ныне Фуко, в частности с тем содержанием, которое этот философ-постмодернист соотносит с концептом «симулякр».

Шестов был убежден в том, что в мире одновременно есть и разум, и Бог – источник жизни, и что между ними идет борьба, т. к. разум «больше всего в мире ненавидит жизнь» [18, с. 23] и стремится мертвящей неизменностью своих истин задушить «в своих страшных объятьях все живое, даже самого Бога» [16, с. 232]. И потому, хотя «Богу все возможно» [18, с. 109], он не всесилен, т. к. его соперник «разум убивает

Тайну и Истину» во всем мире [17, с. 83]. Отсюда можно сделать вывод, что постмодернистский концепт «хаосмос» нашел бы понимание и одобрение Шестова.

Сочетание опустошенности и скепсиса, охарактеризованное Жа-ном Бодрийяром при помощи концепта «состояние после оргии», тоже близко Шестову, по мнению которого честный человек должен при-знать, что «Бог не считается ни с нашим разумом, ни с нашей моралью» [8, с. 81] и что подлинной реальность обретается иррационально, в ре-зультате обращения к свободе «...от моральных оценок .. и от истин ра-зума» [17, с. 226]. Недаром люди, которые постигли подлинную реаль-ность, или, по словам Шестова, стали философами трагедии, «отвергну-ты наукой и моралью» [15, с. 25].

Из сказанного следует, что отношение Шестова к явлениям, позднее соотнесенным с постмодернистскими концептами «недоверие к метарассказам», «симулякр», «хаосмос» и «состояние после оргии», ха-рактеризует его как мыслителя, опередившего свое время. Да и лейтмотив шестовского экзистенциализма – борьба против власти разума во имя иррационального Бога [4, с. 44–45] – своей воинствующей толе-рантностью предвосхищает появление постмодернизма. Думаю, что этой общностью обусловлена актуальность экзистенциализма Шестова для современного интеллектуального дискурса.

Современный человек страшится смерти и склонен бежать от мыслей о ней, погружаясь в гедонизм, потребительство, самоотчужде-ние. Однако такая стратегия обрекает его на безответственное и пустое существование. Убедительной альтернативой такому жалкому бегству, на наш взгляд, представляется обращение к концепции смерти, сформу-лированной Шестовым.

Шестов объясняет смертность человека, синтезируя библейские мотивы и философскую рефлексию. По его словам, обреченность на смерть появилась в сущности человека из-за грехопадения Адама и Евы как следствие их отказа от веры во имя обретения знания и может быть устранена лишь по милости Бога, способного сделать все бывшее не бывшим [13, с. 334; 16, с. 10, 18, 116]. Такое понимание человеческой смертности приводит Шестова к противопоставлению двух видов истин. Первая из них – рациональная истина – несотворенная, мертвая, мертвящая и порабащивающая. Вторая – Бог – непостижимая Тайна, жи-вая, живительная и освобождающая Истина [12, с. 88; 16, с. 14]. По Ше-стову, рациональная истина ведет против Бога непримиримую борьбу, и если признать высший статус за всем тем, что логически обосновано, то в мироздании обречено на смерть все живое, даже Бог [16, с. 232; 17, с. 83]. Смерть для Шестова – это следствие акта рационального позна-ния, оказавшегося грехопадением, и устранимое лишь по милости Бога. Такое отношение к смерти, как видится, актуально по следующим трем причинам.

Во-первых, шестовское отношение к смерти свидетельствует о том, что можно и должно преодолеть страх перед неотвратимостью собственной смерти. Этот страх, конечно, естественен. Его исток – в несовместимости «между сознанием неизбежности смерти и желанием продолжать жить», и это настолько значимо для человеческого существования, что психотерапевт И. Ялом называет его центральным экзистенциальным конфликтом [20, с. 12]. В связи с этим интересна позиция Шестова: он убежден в том, что страх смерти позорен, т. к. является свидетельством неискренности человеческого грехопадения, и что человеческое существование может длиться бесконечно, как это и было до грехопадения и будет, когда оно будет искуплено. Данное искупление, по мнению мыслителя, должно быть связано с преодолением человеческой склонности к рациональному, систематизирующему, то есть омертвляющему восприятию окружающей действительности [16, с. 14; 19, с. 9]. При таком понимании смерти человек делает акцент не на своей обреченности на смерть и не на своем возмущении этим обстоятельством, а на приложении усилий к тому, чтобы не содействовать продолжению торжества смерти в мире, в частности не омертвлять мир рационализмом. Этот вывод стал для Шестова смыслом жизни, на основе которого мыслитель сумел решить важнейшую экзистенциальную проблему человека – проблему обретения системы ценностных координат, убедительно мотивирующей его к целенаправленной деятельности [9, с. 288–289] и тем самым устраняющей из его существования экзистенциальный вакуум [8, с. 308–309]. Таким образом, для того чтобы перестать страшиться приближения собственной смерти, можно и должно стремиться лишить ее неотвратимости. Как представляется, это можно сделать, найдя для себя смысл жизни, связанный с устранением из бытия неизбежной смерти, а считать смыслом жизни, вслед за Шестовым, упорство в вере в Бога: веря в Бога можно «ничего не бояться и ничего не жалеть» [12, с. 210].

Во-вторых, лейтмотив отношения Шестова к смерти сближает шестовскую философию с постмодернистскими концепциями Жан-Франсуа Лиотара, Мишеля Фуко и Жана Бодрийяра. Лиотар, как и Шестов, отвергает претензии рационалистов на универсальное объяснение объекта исследования живого ценой его сведения к системе и в противовес им призывает не доверять метанарративам. Согласно Лиотару, суть метанарратива – попытка при помощи логики наделить ценностно-смысловым содержанием, а также целостно и всеобъемлюще объяснить часть окружающей действительности. Лиотар считает эту попытку пагубной, приводящей к ее односторонней интерпретации, тогда как мир многообразен и не может быть познан лишь с одной точки зрения [5, с. 10–11]. Для Фуко, как и для Шестова, рационализм неотделим от стремления к власти над всеми объектами познания и, соответственно, от склонности к дискриминации всего нестандартного и автономного

как безумия [10, с. 98]. В частности, с точки зрения Фуко, история европейской медицины Нового времени сводится к серии попыток рационально объяснить феномены болезни и патологии, подлинный мотив которых не познать истину, а превратить их в удобные объекты для терапии [11, с. 10–11]. Бодрийяр, как и Шестов, убежден в том, что смерть – это не только неизбежный конец жизни человека, но и отмена ценностно-смыслового содержания составляющей культуры. Только если Шестов так понимает лишь смерть Бога или омертвление объекта научного исследования в процессе его познания ученым-рационалистом, то для Бодрийяра форма любого символа – это смерть, а процесс появления любого символа – истребление. Возможно, это потому, что результатом рационального познания является схематичное и неполное толкование, претендующее на выражение сути объекта исследования. Но тем самым сам этот объект для субъекта познания утрачивает свое бытие, фактически умерщвляется. А ведь так и появляется символ, недаром для Бодрийяра примером смерти является «обратимость каждого языкового элемента и смысла – в анаграмме» [2, с. 44]. Полагаю, что выявление специфики отношения Шестова к смерти позволяет прийти к выводу об иррационализме как о критерии общности философии Шестова с постмодернизмом Лиотара, Фуко и Бодрийяра.

В-третьих, на отношении Шестова к смерти отразилось его творческое переосмысление ряда положений философии Фридриха Ницше. Размышления Ницше о единственно желанной, свободной смерти как о смерти, которая приходит по воле того, кто достиг цели своей жизни [6, с. 62–63], Шестову были чужды. Причиной этому была убежденность Шестова в том, что любая смерть приходит к человеку по роковой необходимости и потому не может быть желанна. Шестову импонировало, что Ницше проклял Сократа за критический рационализм, обесценивший и обессмысливший базовые основы древнегреческой культуры – ее аполлонийское и дионисийское начала [7, с. 529–530] – и тем самым приведший к смерти древнегреческую культуру. Шестов солидарен с ницшевским отношением к Сократу, но демонизирует сократовский рационализм. В частности, Шестов приходит к выводу, что ученый-рационалист для исследования чего-либо живого «должен... убить жизнь» в объекте своих научных изысканий, иначе не будет достигнута необходимая систематичность [19, с. 9, 16]. Шестов принял и ницшевский концепт «смерть Бога», но его интерпретация была специфической. Ницше видел в наступлении этой смерти небывалую возможность для человека – возможность преодоления своей сущности во имя содействия появлению сверхчеловека [6, с. 258, 264–265]. Шестов посчитал ницшевское учение о сверхчеловеке лишь проявлением гордыни и, демонизировав рационализм, пришел к выводу о том, что если «смерть Бога» и создает перспективу для человека, то совсем не радостную. Это перспектива смерти такого же рода, которую уже испытал Бог, убитый

рационалистами, – утрату цельности, ценности и уникальности [19, с. 8–12]. Получилось, что Шестов фактически развил и дополнительно обосновал ницшевскую концепцию смерти, что актуально в связи с популярностью философского наследия Ницше на рубеже XX–XXI столетий.

Итак, есть два основания утверждать, что философия Шестова актуальна для современного интеллектуального дискурса: она созвучна философии постмодернизма и дает убедительный ответ на вечный вопрос – какова альтернатива бегству от страха смерти, развивая ряд положений философии Ницше.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла / 2-е изд. М.: Добросвет, 2006. 258 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / 2-е изд. М.: Добросвет, 2006. 398 с.
3. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.
4. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Миф о Сизифе; Бунтарь. Минск: Попурри, 1998. С. 13–142.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра // Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: сб. Минск: Попурри, 1997. С. 3–297.
7. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки, или Эллинство и пессимизм // Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: сб. Минск: Попурри, 1997. С. 453–591.
8. Франкл В. Экзистенциальный вакуум // Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. М.: Прогресс, 1990. С. 308–320.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: Попурри, 1999. 624 с.
10. Фуко М.П. История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 573 с.
11. Фуко М.П. Рождение клиники. М.: Смысл, 1998. 310 с.
12. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) // Шестов Л. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 176–318.
13. Шестов Л. Афины и Иерусалим // Шестов Л. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 317–664.
14. Шестов Л. Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь) // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 207–306.
15. Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии) // Шестов Л. Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 15–175.
16. Шестов Л. Киркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс–Гнозис, 1992. 301 с.
17. Шестов Л. На весах Иова // Шестов Л. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 1. С. 5–404.
18. Шестов Л. Potestas clavium // Шестов Л. Соч.: в 2 т. М.: Наука, 1993. Т. 2. С. 15–312.

19. Шестов Л. Шекспир и его критик Брандес // Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: АСТ, 2000. С. 7–206.
20. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999. 576 с.

LEV SHESTOV'S PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF INTELLRCTUAL DISCOURSE

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The author of the article argues that there are two reasons why Lev Shestov's philosophy can be considered relevant in the context of contemporary intellectual discourse. The first reason is the consonance of the irrationalism of Shestov's philosophy with postmodernism. The second one is Shestov's nomination of a convincing alternative to escape from the fear of death.

Keywords: *God, life, postmodernism, ration, death, fear of death, men, existentialism.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь. E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. of Prof., Assoc. of Prof. of Dept Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru